

Научная статья

УДК 343.13(430)

doi: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).2.204-215

О ПОДХОДАХ К ОЦЕНКЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ В СЛЕДСТВЕННОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Ольга Васильевна Александрова¹

¹ Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия,
o.alexandrowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7572-667X>

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к оценке достоверности показаний и их место в следственном и судебном производствах Германии, где судебная психологическая экспертиза достоверности показаний с 1954 года является одним из признанных видов экспертизы. Дается краткая характеристика методических принципов Statement Validity Assessment как методики, являющейся сегодня основой судебной психологической экспертизы достоверности показаний в Германии.

Ключевые слова: достоверность показаний, судебная психологическая экспертиза, Statement Validity Assessment, полиграф, невербальное поведение, судебный гипноз, Германия

Для цитирования

Александрова О. В. О подходах к оценке достоверности показаний в следственной и судебной практике современной Германии // Человек: преступление и наказание. 2024. Т. 32(1–4), № 2. С. 204–215. DOI: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).2.204-215.

Original article

ON APPROACHES TO ASSESSING THE RELIABILITY OF TESTIMONY IN THE INVESTIGATIVE AND JUDICIAL PRACTICE OF MODERN GERMANY

Olga Vasilyevna Alexandrova¹

¹ Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia, o.alexandrowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7572-667X>

Abstract. The article discusses various approaches to assessing the reliability of testimony and their place in investigative and judicial proceedings in Germany, where forensic psychological examination of the reliability of testimony has been one of the recognized types of examination since 1954. A brief description of the methodological principles of Statement Validity Assessment as a methodology, which is now the basis of forensic psychological examination of the reliability of testimony in Germany, is given.

Keywords: reliability of testimony, forensic psychological examination, Statement Validity Assessment, polygraph, non-verbal behavior, forensic hypnosis, Germany

For citation

Alexandrova, O. V. 2024, 'On approaches to assessing the reliability of testimony in the investigative and judicial practice of modern Germany', *Man: crime and punishment*, vol. 32(1–4), iss. 2, pp. 204–215, doi: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).2.204-215.

Поиск методики объективной оценки достоверности показаний остается, как и сто лет назад, актуальным и практически значимым направлением юридических и психологических исследований, что объясняется скептическим и осторожным отношением к показаниям как средству доказывания, которое вполне оправдано, поскольку человеку свойственно ошибаться, заблуждаться и иногда лгать. Необходимость предельно осторожного подхода к оценке надежности свидетельских показаний подтверждают актуальные и сегодня труды А. Бине и В. Штерна начала XX в., которые экспериментально установили, что безошибочные показания являются скорее исключением, чем правилом. Примером крайне радикального недоверия к показаниям является позиция Х. Херольда, занимавшего пост президента Федерального уголовного ведомства Федеративной Республики Германия (ФРГ) с 1971 по 1981 год и полагавшего, что в основу решений тех или иных должностных лиц и органов могут быть положены только такие показания, которые прошли естественнонаучную верификацию [1, с. 24].

Тем не менее показания остаются значимым видом доказательства, особенно в тех случаях, когда они вынужденно становятся основным источником информации и средством доказывания, что, например, имеет место в делах о преступлениях против половой неприкосновенности, когда кроме показаний возможной жертвы и показаний возможного преступника, причем с прямо противоположным содержанием, нередко более ничего нет. Но в таких ситуациях и отказ в осуществлении правосудия, и обвинительный уклон в работе правоохранительных органов и суда в равной мере подрывают доверие общества к данным институтам.

Судьи, свободные и независимые в оценке доказательств, не располагают какими-либо инструментами или специальными знаниями, которые позволили бы говорить о присутствии отличного от бытового подхода к оценке показаний участников процесса. Судьи и сотрудники правоохранительных органов в рамках своей профессиональной деятельности, безусловно, приобретают специфический и ценный опыт межличностной коммуникации в особых условиях общения, но наличие такого опыта не дает оснований предполагать, что с его формированием связано развитие способности к более эффективной оценке достоверности показаний. Вероятно, отсутствуют и какие-либо индивидуальные, в том числе обусловленные культурой, особенности, которые позволяли бы лицам, обладающим ими, успешнее оценивать достоверность высказываний [2, 3]. В своем метаанализе 2006 г. Ч. Бонд и Б. ДеПауло пришли к выводу о том, что вероятность корректной оценки достоверности лицами, не обладающими специальными знаниями и не прошедшими специальной подготовки, составляет 54 %, что лишь немногим выше вероятности угадывания [4]. А. Врей¹, также проведя метаисследование, пришел к следующему заключению: судьи, сотрудники полиции и прокуратуры, опираясь на свой опыт, могут достигать точности оценки достоверности показаний 45–60 %, а от лиц иных профессий их отличает более осознанный подход к формированию (в том числе ложного) заключения [5]. П. Экман и соавторы установили, что сотрудники ЦРУ способны несколько лучше, чем среднестатистический человек, отличить недостоверные показания от достоверных, но данные выводы подверглись критике. Так, Ч. Бонд обращает внимание на то, что в публикации результатов своего исследования 1999 г. П. Экман и соавторы, указав, что сотрудники ЦРУ в 73 % случаев смогли правильно определить достоверность высказываний, в которых содержалось мнение о чем-либо, не указывают, что согласно их же исследованиям лишь в 63,4 % случаев была правильно определена достоверность высказываний об инсценированной краже и лишь в 48,2 % случаев, если речь шла о высказываниях в относительно эмоциональном состоянии, хотя такие данные были включены в неопубликованный манускрипт 1997 г. [3, с. 45; 6, 7.].

Потребность в инструментах оценки достоверности показаний и интерес к ним со стороны суда, правоохранительных органов и научного сообщества существуют, в том числе в нашей стране, но приходится констатировать, что обсуждение данной проблематики связано с целым комплексом таких до сих пор еще не решенных вопросов, как методическая основа этого вида судебной психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы, содержание юридического и экспертного понятия «достоверность», ее правовая регламентация, включая разграничение компетенций суда и эксперта-психолога [8].

Попытки обеспечения получения достоверных показаний и подтверждения достоверности показаний в истории немецкого судебного процесса связаны с применением самых различных методов, включая пытки, наркоанализ и судебный гипноз, большинство из которых запрещены с 1950 г. Уголовно-процессуальным кодексом ФРГ (УПК ФРГ) [9, с. 431]. Согласно § 136а УПК ФРГ:

– недопустимо ограничение свободы решения и волеизъявления обвиняемого посредством истязания, переутомления, физического воздействия, введения веществ в организм, причинения страданий, обмана и гипноза. Принуждение может применяться в предусмотренных уголовно-процессуальными нормами случаях;

¹ Алдерт Врей (Aldert Vrij) в русскоязычной литературе также встречается транслитерация «Олдерт Фрай».

– применение мер, влияющих на память и сознание обвиняемого, не допускается;
– запреты, согласно абз. 1, 2, действуют независимо от согласия обвиняемого. Показания, полученные с нарушением данных запретов, недопустимы, даже если обвиняемый дал согласие на их использование в процессе.

В Германии дискуссия о допустимости гипноза как метода актуализации памяти и инструмента снятия постгипнотических и посттравматических блокад все еще ведется. Сторонники гипноза как средства актуализации памяти приводят в качестве аргумента неактуальность определения гипноза 1950 г., положенного в основу § 136а УПК ФРГ, и ссылаются на определение, данное Американской психологической ассоциацией (АРА) в 2005 г., которое, по их мнению, точнее описывает возможности и формы современного гипноза, не ставящего своей целью ограничение свободного волеизъявления и не способного его вызвать. В отдельных федеральных землях предпринимаются попытки внедрения гипноза в следственную практику. Так, Министерство юстиции и защиты прав потребителей Баварии в 2009 г. выпустило инструкцию по использованию гипноза в работе полиции. Согласно данному документу допрос проводится гипнотерапевтом, присутствие сотрудников полиции на сеансе запрещено. Допрошенное лицо после просмотра записи допроса решает, должна ли запись быть передана полиции или данное лицо готово сообщить какую-либо информации в рамках конвенционального допроса без передачи записи полиции [9, с. 431; 10, с. 168].

Непосредственно судебная психологическая экспертиза достоверности показаний имеет более чем столетнюю историю и впервые была официально признана Федеральным верховным судом Германии одним из допустимых видов доказательства в 1954 г. В то время не существовало какого-либо единого и валидированного подхода к оценке достоверности показаний. Суд исходил из того, что эксперты-психологи обладают специальными знаниями, которыми не обладает суд и которые позволяют компетентно оценивать показания, в первую очередь показания детей и несовершеннолетних [11, с. 23]. Таким образом, сложился особый способ взаимодействия суда и психолога, сделавший возможным включение значимого для оценки достоверности показаний психологического знания в судопроизводство и позволивший накопить большой практический опыт, который в 1980–1990-е гг. стал основой развития теоретических моделей судебной психологической экспертизы достоверности показаний [12, с. 157–160].

Основой современной психологической экспертизы достоверности показаний в ФРГ является так называемый метод ориентированного на содержание анализа достоверности, более известный за пределами немецкоязычных стран как Statement Validity Assessment (SVA). Начало становлению данной методики дало предположение, впоследствии названное гипотезой Ундойча, о том, что показания, основанные на реально пережитых событиях, имеют качественные отличия от показаний, в основе которых таких событий нет. Период с 1950-х по 1980-е гг. был посвящен разработке системы критериев достоверности показаний.

В 1980-е гг. М. Штеллер и Г. Кенкен интегрировали предложенные различными авторами системы критерии достоверности в одну систему и провели ее экспериментальную валидацию, подтвердив гипотезу Ундойча. Именно вокруг системы критериев достоверности М. Штеллера и Г. Кенкена сформировалась современная методика судебной психологической экспертизы достоверности показаний в Германии, которая, кроме контент-анализа, проводимого с помощью системы критериев достоверности (англ. Criteria-Based Content-Analysis – далее CBCA), включает в себя оценку так называемой

свидетельской дееспособности и анализ истории развития содержания показаний, то есть генезиса показаний [13].

В 1999 г. Федеральный верховный суд Германии в решении № BGH 1 StR 618/98¹ сформулировал принципы судебной психологической экспертизы, сделав SVA единственной допустимой методической базой данного вида экспертизы. Согласно названному решению основными принципами являются среди прочего следующие:

- предметом экспертизы являются показания подэкспертного лица, а не его искренность как личностная особенность;
- экспертиза представляет собой процесс проверки альтернативных гипотез достоверности и недостоверности;
- в первую очередь проверяется гипотеза недостоверности, что объясняется презумпцией невиновности;
- эксперт-психолог свободен в выборе диагностических методик, допустимо использование только актуальных научно обоснованных методик для проверки выдвинутых гипотез;
- в основу качественной оценки показаний положен СВСА. Анализ проводится с учетом всей совокупности критериев достоверности. Недопустим вывод о недостоверности показаний, если было установлено несоответствие критериям достоверности; такая ситуация может быть следствием самых различных обстоятельств;
- критерии достоверности не позволяют отличить достоверные показания от показаний, источником которых является внушение;
- в рамках судебной психологической экспертизы достоверности показаний проводится также оценка свидетельской дееспособности, включая компетентность свидетеля, возможные мотивы дачи ложных показаний и анализ истории возникновения и развития содержания его показаний;
- в заключении эксперту необходимо дать ответ на вопрос, мог ли свидетель с данными когнитивными способностями дать показания такого качества, и обосновать, почему та или иная гипотеза с достаточной вероятностью может быть подтверждена, а все возможные и целесообразные альтернативные гипотезы следует считать несостоятельными [14, с. 34].

Как следует из решения № BGH 1 StR 618/98, SVA не является психометрической методикой, а представляет собой сложный многоступенчатый процесс проверки конкурирующих гипотез, который можно проиллюстрировать с помощью следующего алгоритма, представленного в таблице, не являющегося универсальным, но описывающего частный случай.

Иногда делаются попытки упростить SVA до СВСА, что является методической ошибкой и резко критикуется немецкими экспертами. СВСА может быть лишь одним из возможных шагов SVA, включаемым в структуру экспертизы, когда эксперт сочтет необходимым проверить гипотезу преднамеренной лжи [13]. Попытки упрощения процедуры SVA до проверочных листов, которые соответствуют СВСА, вероятно, диктуются стремлением к созданию такой методики детекции лжи, которая работала бы как «лакусовая бумажка». Но психологическое содержание «достоверности», включающее преднамеренную ложь, многоаспектно, и если возникает необходимость в его оценке, то она требует комплексного подхода. Отчасти такой подход реализован в SVA.

¹ См.: URL: <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/98/1-618-98.php3> (дата обращения: 07.02.2023).

Таблица

Гипотеза 1. Показания не основаны на реально пережитых событиях	
1.1. Непреднамеренная ложь: а) отсутствие или недостаточность свидетельской дееспособности: – оценка уровня возрастного развития и когнитивных способностей; – диагностика психопатологий; б) непреднамеренные ошибки: – ошибки восприятия, функциональные проблемы процессов памяти; в) ложные воспоминания: – анализ источников показаний; – оценка событий, следующих за событием, которое является предметом показаний, и их возможного влияния на содержание показаний; – анализ предшествующих допросов	1.2. Преднамеренная ложь: – анализ логической структуры показаний; – СВСА; – оценка когнитивных способностей; – оценка наличия у давшего показания специфических знаний в сфере, связанной с обстоятельствами события, в отношении которого даны показания
Гипотеза 2. Показания основаны на реально пережитых событиях	

Примечание: таблица составлена на основе [15].

Вопрос о допустимости исследования достоверности показаний с помощью полиграфа в немецкой следственной и судебной практике остается еще спорным. Хотя сторонники данной методики и выступают за «ренессанс» полиграфа [5], Федеральный верховный суд Германии практически не изменил свою позицию с 1954 г., когда запретил исследования на полиграфе по причине нарушения свободы волеизъявления и принятия решения по смыслу § 136а УПК ФРГ. В 1998 г. Федеральный верховный суд Германии в решении № BGH 1 StR 156/98¹ следующим образом сформулировал свою позицию о допустимости исследования на полиграфе, остающуюся актуальной и сегодня:

– в том случае если обвиняемый согласен на прохождение исследования с помощью полиграфа и добровольно в нем участвует, это не нарушает конституционных основ или положений § 136а УПК ФРГ;

– добровольное прохождение обвиняемым назначенного государственными органами исследования на полиграфе и использование полученных данных не унижает его человеческое достоинство. Хотя полиграф регистрирует реакции, поддающиеся непосредственному волевому контролю, он не позволяет заглянуть в душу испытуемого, так как не существует однозначно установленной связи между психическим состоянием и измеряемыми реакциями. Невозможно измерить, сообщает ли испытуемый правду;

– статья 1 абз. 1 Основного закона ФРГ² служит не ограничению, а защите достоинства человека. Последнее включает в себя также основополагающую свободу распоряжаться собой и самостоятельно, ответственно определять свою судьбу. В силу этого позиция суда, ориентированная на добровольное согласие обвиняемого, гарантирует

¹ См.: URL: <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/98/1-156-98.php3> (дата обращения: 11.03.2023).

² См.: Достоинство человека неприкосновенно. Уважение и защита достоинства человека является обязанностью любой государственной власти. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html> (дата обращения: 07.02.2023).

защиту человеческого достоинства. Таким образом, обвиняемому, который стремится к снятию обвинения и желает обратиться к какому-либо способу получения доказательства, не может быть отказано в обращении к нему под предлогом обязанности государства уважать и защищать человеческое достоинство; такая защита, противоречащая воле обвиняемого, является еще более неоправданной;

– положения § 136а УПК ФРГ не препятствуют применению полиграфа. При производстве исследования на полиграфе не имеют место введение в заблуждение и принуждение по смыслу вышеназванной статьи УПК ФРГ. Отказ от прохождения исследования на полиграфе не должен интерпретироваться против обвиняемого, так же как и его решение сделать заявление или хранить молчание относительно выдвинутых обвинений;

– исследование на полиграфе не достигает параметров запрещенных УПК ФРГ методик допроса;

– результаты исследования на полиграфе посредством теста контрольных вопросов в любой момент и в рамках судебного производства посредством теста «виновных знаний» являются недопустимым средством доказывания;

– тест контрольных вопросов является неподходящим вариантом исследования, поскольку научное сообщество оценивает его как сомнительный и ненадежный. Современный статус научных исследований, в том числе валидационных, свидетельствует об отсутствии доказательной силы теста контрольных вопросов;

– применение теста «виновных знаний» обязательно предполагает, что обвиняемому не стали известны предлагаемые в качестве вариантов ответа детали дела, иначе следует ожидать реакций, которые можно наблюдать и у не причастного лица. В ситуации, когда обвиняемому стало известно о предъявлении обвинения и о результатах следствия до проведения исследования, данный вариант теста следует считать также недопустимым.

На основании решения № BGH 1 StR 156/98 исследование на полиграфе не является в настоящее время методикой, которая могла бы стать основой экспертизы достоверности показаний, и выполняет лишь ориентирующую и вспомогательную функцию, а ее применение связано со значительными ограничениями [16]. Сторонники применения полиграфа утверждают, что актуальные эмпирические данные по сравнению с данными 1998 г. уже позволяют рассматривать исследование на полиграфе как допустимое средство доказывания, и приводят в пример США, Канаду, Израиль, Японию, Польшу, Литву, Эстонию, Румынию, Бельгию, где полиграф активно применяется следственными органами. Правоохранительные органы ФРГ положительно оценивают возможность применения полиграфа в следственном производстве, что также объясняется тем, что Федеральный верховный суд Германии в названном решении подтвердил отсутствие нарушения § 136а УПК ФРГ в случае дачи согласия на прохождение исследования на полиграфе [17]. Тем не менее значение результатов психофизиологической экспертизы с помощью полиграфа, прежде всего как оправдательного доказательства, в следственном и судебном производствах не изменилось, и решение Федерального верховного суда Германии 1998 г. остается актуальным.

Несмотря на многочисленные исследования в области невербального поведения, его анализ не признается в Германии допустимым методом оценки достоверности сообщаемой информации. Однако данный подход не следует считать не имеющим прикладного значения: изменение невербального поведения на разных этапах допроса

необходимо рассматривать как «сигнал» и повод к размышлению относительно причин таких изменений [18, с. 65–66].

В последнее время в юридической психологии разных стран все больше внимание уделяется развитию программного обеспечения и использованию искусственного интеллекта для фиксации мимических реакций, регистрации интенсивности кровоснабжения лицевых мышц, изменения акустических характеристик голоса и нейровизуализации в процессе экспертизы или специального исследования, которые также предполагается использовать для оценки достоверности показаний [19–21]. Что касается Германии, то в настоящее время ни одна методика не смогла заменить в следственном и судебном производстве уже устоявшуюся методику SVA. Нельзя утверждать, что данная методика лишена недостатков, в том числе определенной степени субъективности, но она позволяет суду получить квалифицированную оценку, основанную на современном психологическом знании, а не на интуитивных представлениях о правде и лжи. SVA не создает также иллюзии «технической» объективности, что имеет место в случае полиграфа. Как выше упоминалось, SVA представляет собой сложную и многоступенчатую процедуру, в рамках которой эксперт-психолог самостоятельно выдвигает те или иные гипотезы недостоверности и достоверности показаний, а не получает отдельные изолированные друг от друга вопросы на разрешение от заказчика экспертизы, что также можно рассматривать как плюс данного подхода, поскольку постановка конкретного изолированного вопроса и его формулировка непосредственно заказчиком с большей вероятностью могут оказать влияние на характер работы эксперта-психолога с предоставленным материалом. Например, постановка эксперту-психологу вопроса о наличии признаков психологического воздействия на допрашиваемое лицо способно создать у эксперта (несмотря на высокий уровень рефлексии, который ожидается от него) установку на обнаружение таких признаков. В рамках SVA эксперт также может посчитать нужным проведение подобного анализа, но решение будет принято им самостоятельно в соответствии с его внутренним убеждением и в рамках проверки одной из конкурирующих гипотез в сопоставлении их друг с другом, что будет отражено в заключении и обеспечит прозрачность и понятность логики рассуждений эксперта для суда. Суд при этом не является пассивным «потребителем» результата работы эксперта, а должен оценить выводы последнего, как и любой другой вид доказательства. Конечно, нельзя полностью исключить возможность формирования установок у эксперта при проведении SVA, но представляется, что большая самостоятельность эксперта в постановке вопросов, круг которых определен самим видом экспертизы, несколько снижает такой риск. Необходимо также отметить, что в российской практике судебной психологической экспертизы можно наблюдать некоторые элементы SVA, которые встречаются, например, в экспертизе свидетеля и потерпевшего, в экспертизе потерпевших по делам о сексуальных преступлениях.

В отношении практики судебной психологической экспертизы достоверности показаний в Германии некоторые авторы отмечают, что качество заключений психологов-экспертов в последние годы значительно улучшилось: экспертные выводы стали более прозрачны [22], а исследования подтверждают, что прошедшие обучение по методике SVA показывают значительно лучшие результаты в оценке достоверности показаний, чем лица, не прошедшие такой подготовки [3, 23]. Сегодня SVA стало значимым инструментом содействия суду в установлении истины. Изменения в законодательстве, например увеличение срока давности по сексуальным преступлениям, становятся опре-

деленными вызовами для теории и практики SVA [24], и очевидно, что данная методика останется еще долгие годы основой судебной психологической экспертизы достоверности показаний в ФРГ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Barton, S. 1995, 'Die Fragwürdigkeit des Zeugenbeweises', in Barton (Hrsg.), *"Redlich aber falsch" Die Fragwürdigkeit des Zeugenbeweises*, pp. 23–63, Nomos-Verlag, Baden-Baden.
2. Eskritt, M. & Lee, K. 2016, 'The Detection of Prosocial Lying by Children', *Infant and Child Development*, iss. 26(1), pp. 1–17.
3. Posten, A-Chr. & Kitzig, C. 2020, 'Strategische Merkmalsnutzung zur Erkennung und Tarnung von Lügen aus der Perspektive von Laien', *Praxis der Rechtspsychologie*, iss. 30(1), pp. 43–64.
4. Bond, Ch. & DePaulo, B. 2006, 'Accuracy of Deception Judgments', *Personality and social psychology review*, iss. 10(3), pp. 214–234.
5. Makepeace, J. 2021, 'Tücken der Glaubhaftigkeitsbegutachtung – Gibt es einen Ausweg aus dem Aussage-gegen-Aussage-Dilemma?', *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik*, iss. 16(9), pp. 489–498.
6. Ekman, P., O'Sullivan, M. & Frank, M. G. 1999, 'A few can catch a liar', *Psychological Science*, iss. 10, pp. 263–266.
7. Bond, Ch. 2008, 'A Few Can Catch a Liar, Sometimes: Comments on Ekman and O'Sullivan (1991), As Well As Ekman, O'Sullivan, and Frank (1999)', *Applied Cognitive Psychology*, iss. 22(9), pp. 1298–1300.
8. Auväärt, L. & Jengalõtshev, V. 2018, *Kohtupsühhologia ekspertiis: monograafia*, Trükitud Trükikojas Greif, Tartu.
9. Gerhold, S. F. 2020, 'Der Einsatz von Lügendetektorsoftware im Strafprozess – aufgrund des technischen Fortschritts in Zukunft doch rechtmäßig?', *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik*, pp. 431–439.
10. Beetz, A. M. & Delhaes von A. 2011, 'Der Einsatz von Hypnose als erinnerungsunterstützendes Verfahren im Rahmen polizeilicher Ermittlungen', *Hypnose-ZHH*, iss. 6(1+2), pp. 165–187.
11. Bliesener, T., Lösel, F. & Köhnken, G. 2014, *Lehrbuch der Rechtspsychologie*, Bern.
12. Greuel, L. 1997, 'Glaubwürdigkeit – Zur psychologischen Differenzierung eines umgangssprachlichen Konzepts', *Praxis der Rechtspsychologie*, iss. 7(2), pp. 154–160.
13. Steller, M. 2013, 'Vier Jahrzehnte forensische Aussagepsychologie: eine nicht nur persönliche Geschichte', *Praxis der Rechtspsychologie*, iss. 23(1), pp. 11–32.
14. Niehaus, S. 2001, *Zur Anwendbarkeit inhaltlicher Glaubhaftigkeitsmerkmale bei Zeugenaussagen unterschiedlichen Wahrheitsgehaltes: eine Simulationsstudie mit kindlichen Verkehrsunfallopfern*, Peter Lang europäischer Verlag der Wissenschaften.
15. Köhnken, G., Manzanero, A. L. & Scott, M. T. 2015, 'Análisis de la Validez de las Declaraciones (SVA): mitos y limitaciones', *Anuario de Psicología Jurídica*, iss. 25, pp. 13–19.
16. Momsen, C. 2018, 'Die Renaissance des Polygraphen? Wie effektiv lassen sich amerikanische Verteidigungsstrategien im deutschen Strafverfahren nutzen?', *Kriminalpolitische Zeitschrift*, iss. 3, viewed 16 March 2023, <https://kripoz.de/2018/03/01/die-renaissance-des-polygraphen-wie-effektiv-lassen-sich-amerikanische-verteidigungsstrategien-im-deutschen-strafverfahren-nutzen/>.

17. Putzke, H., Scheinfeld, J., Klein, G. & Undeutsch, U. 2009, 'Polygraphische Untersuchungen im Strafprozess. Neues zur faktischen Validität und normativen Zu-lässigkeit des vom Beschuldigten eingeführten Sachverständigenbeweises', *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft (ZStW)*, iss. 121, pp. 65–66.

18. Bender, R., Häcker, R. & Schwarz, V. 2021, *Tatsachenfeststellung vor Gericht. Glaubhaftigkeits- und Beweislehre, Vernehmungslehre*, C. H. Beck-Verlag. München.

19. Бахтеев Д. В., Буглаева Е. А., Зазулин А. И. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде : монография. М. : Юрлинтинформ, 2022. 214 с.

20. Гусев А. Н., Бондаренко Я. А. Об использовании многоуровневого анализа голоса при производстве комплексных экспертных исследований // *Эксперт-криминалист*. 2020. № 4. С. 12–15.

21. Енгальчев В. Ф., Леонова Е. В., Хавыло А. В. Возможности использования интеллектуальных систем машинного зрения в судебной психологической экспертизе // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2021. № 2(104). С. 104–117.

22. Feltes, Th. 2023, 'Der Polygraph als Entlastungsbeweis. Rezensiert von Thomas Feltes', *Polizei-Newsletter*, viewed 14 March 2023, <https://polizei-newsletter.de/wordpress/?p=1925>.

23. Melcher, H. & Amann, G. 2015, 'Beurteilung der Glaubhaftigkeit einer Aussage. Verbessern psychologische Kompetenzen die Beurteilungsgüte?', *Österreichische Richterzeitung*, iss. 11, pp. 231–235.

24. Steller, M. 2020, 'Stand und Herausforderungen der Aussagepsychologie', *Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie*, iss. 14(2), pp. 188–196.

References

1. Barton, S. 1995, 'Die Fragwürdigkeit des Zeugenbeweises', in Barton (Hrsg.), "*Redlich aber falsch*" *Die Fragwürdigkeit des Zeugenbeweises*, pp. 23–63, Nomos-Verlag, Baden-Baden.

2. Eskritt, M. & Lee, K. 2016, 'The Detection of Prosocial Lying by Children', *Infant and Child Development*, iss. 26(1), pp. 1–17.

3. Posten, A-Chr. & Kitzig, C. 2020, 'Strategische Merkmalsnutzung zur Erkennung und Tarnung von Lügen aus der Perspektive von Laien', *Praxis der Rechtspsychologie*, iss. 30(1), pp. 43–64.

4. Bond, Ch. & DePaulo, B. 2006, 'Accuracy of Deception Judgments', *Personality and social psychology review*, iss. 10(3), pp. 214–234.

5. Makepeace, J. 2021, 'Tücken der Glaubhaftigkeitsbegutachtung – Gibt es einen Ausweg aus dem Aussage-gegen-Aussage-Dilemma?', *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik*, iss. 16(9), pp. 489–498.

6. Ekman, P., O'Sullivan, M. & Frank, M. G. 1999, 'A few can catch a liar', *Psychological Science*, iss. 10, pp. 263–266.

7. Bond, Ch. 2008, 'A Few Can Catch a Liar, Sometimes: Comments on Ekman and O'Sullivan (1991), As Well As Ekman, O'Sullivan, and Frank (1999)', *Applied Cognitive Psychology*, iss. 22(9), pp. 1298–1300.

8. Auväärt, L. & Jengalõtšev, V. 2018, *Kohtupsühhloogia ekspertiis: monograafia*, Trükitud Trükikojas Greif, Tartu.

9. Gerhold, S. F. 2020, 'Der Einsatz von Lügendetektorsoftware im Strafprozess – aufgrund des technischen Fortschritts in Zukunft doch rechtmäßig?', *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik*, pp. 431–439.

10. Beetz, A. M. & Delhaes von A. 2011, 'Der Einsatz von Hypnose als erinnerungsunterstützendes Verfahren im Rahmen polizeilicher Ermittlungen', *Hypnose-ZHH*, iss. 6(1+2), pp. 165–187.
11. Bliesener, T., Lösel, F. & Köhnken, G. 2014, Lehrbuch der Rechtspsychologie, Bern.
12. Greuel, L. 1997, 'Glaubwürdigkeit – Zur psychologischen Differenzierung eines umgangssprachlichen Konzepts', *Praxis der Rechtspsychologie*, iss. 7(2), pp. 154–169.
13. Steller, M. 2013, 'Vier Jahrzehnte forensische Aussagepsychologie: eine nicht nur persönliche Geschichte', *Praxis der Rechtspsychologie*, iss. 23(1), pp. 11–32.
14. Niehaus, S. 2001, *Zur Anwendbarkeit inhaltlicher Glaubhaftigkeitsmerkmale bei Zeugenaussagen unterschiedlichen Wahrheitsgehaltes: eine Simulationsstudie mit kindlichen Verkehrsunfallopfern*, Peter Lang europäischer Verlag der Wissenschaften.
15. Köhnken, G., Manzanero, A. L. & Scott, M. T. 2015, 'Análisis de la Validez de las Declaraciones (SVA): mitos y limitaciones', *Anuario de Psicología Jurídica*, iss. 25, pp. 13–19.
16. Momsen, C. 2018, 'Die Renaissance des Polygraphen? Wie effektiv lassen sich amerikanische Verteidigungsstrategien im deutschen Strafverfahren nutzen?', *Kriminalpolitische Zeitschrift*, iss. 3, viewed 16 March 2023, <https://kripoz.de/2018/03/01/die-renaissance-des-polygraphen-wie-effektiv-lassen-sich-amerikanische-verteidigungsstrategien-im-deutschen-strafverfahren-nutzen/>.
17. Putzke, H., Scheinfeld, J., Klein, G. & Undeutsch, U. 2009, 'Polygraphische Untersuchungen im Strafprozess. Neues zur faktischen Validität und normativen Zu-lässigkeit des vom Beschuldigten eingeführten Sachverständigenbeweises', *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft (ZStW)*, iss. 121, pp. 65–66.
18. Bender, R., Häcker, R. & Schwarz, V. 2021, *Tatsachenfeststellung vor Gericht. Glaubhaftigkeits- und Beweislehre, Vernehmungslehre*, C. H. Beck-Verlag. München.
19. Bakhteev, D. V., Buglaeva, E. A. & Zazulin, A. I. 2022, *The use of artificial intelligence in the identification, disclosure, investigation of crimes and consideration of criminal cases in court : monograph*, Yurlitinform, Moscow.
20. Gusev, A. N. & Bondarenko, Ya. A. 2020, 'On the use of multilevel voice analysis in the production of complex expert research', *Forensic expert*, iss. 4, pp. 12–15.
21. Engalychev, V. F., Leonova, E. V. & Khavylo, A.V. 2021, 'Possibilities of using intelligent machine vision systems in forensic psychological examination', Bulletin of the Russian Foundation for Fundamental Research. *Humanities and social sciences*, iss. 2(104), pp. 104–117.
22. Feltes, Th. 2023, 'Der Polygraph als Entlastungsbeweis. Rezensiert von Thomas Feltes', *Polizei-Newsletter*, viewed 14 March 2023, <https://polizei-newsletter.de/wordpress/?p=1925>.
23. Melcher, H. & Amann, G. 2015, 'Beurteilung der Glaubhaftigkeit einer Aussage. Verbessern psychologische Kompetenzen die Beurteilungsgüte?', *Österreichische Richterzeitung*, iss. 11, pp. 231–235.
24. Steller, M. 2020, 'Stand und Herausforderungen der Aussagepsychologie', *Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie*, iss. 14(2), pp. 188–196.

Информация об авторе

О. В. Александрова – аспирант кафедры общей и социальной психологии.

Information about the author

O. V. Alexandrova – graduate student of General and Social Psychology Department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 29.05.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 29.05.2024.